

Глава 4

Линь Цзиньчжи явно не ожидал, что тот вернется. Сконфузившись, он поспешно смахнул слезы и отвернулся, пытаясь скрыть слабость.

Янь Юйсюань остолбенел. Он ошеломленно уставился на супруга, не в силах вымолвить ни слова.

Линь Цзиньчжи никогда не плакал при нем. Он был слишком горд, слишком силен духом. Когда на поле боя он заслонил его собой и поймал смертоносную стрелу, военный лекар извлекал наконечник без наркоза. Цзиньчжи тогда едва не лишился чувств от невыносимой боли, но не проронил ни звука. За годы во дворце, несмотря на бесконечные грязные слухи и нападки, он лишь хранил молчание и ни разу не пожаловался на несправедливость. Даже на ложе, когда император в порыве страсти бывал излишне груб, юноша лишь закусывал губы, а его глаза подозрительно блестели — но он упрямо не просил о пощаде. Эта строптивость всегда одновременно восхищала и злила Янь Юйсюаня.

А теперь этот непреклонный человек плакал.

Он сидел вполоборота, с покрасневшими глазами. Как ни силился сдержать нахлынувшие чувства, прозрачные слезы катились по его бледным щекам, выдавая глубокую скорбь и глухое отчаяние, терзавшие его душу.

Вид этой непривычной, хрупкой уязвимости мгновенно обезоружил Янь Юйсюаня. Сердце императора дрогнуло. Он порывисто привлек супруга к себе, крепко обнял и заговорил с мягкостью, которой тот от него давно не слышал:

— Почему ты плачешь? Ну же, скажи мне, что стряслось?

Юноша в его объятиях, словно устыдившись своей минутной слабости, попытался отвернуться, но Янь Юйсюань властно перехватил его за подбородок, заставляя смотреть прямо в глаза:

— Цзиньчжи, ты всё еще держишь на меня обиду? Ведь так?

— Мой император, я не смею... — тихо ответил тот.

— Я хочу слышать правду, — твердо произнес Янь Юйсюань, но, сообразив, что звучит слишком сурово, тут же смягчил тон: — И не нужно этих официальных обращений, когда мы наедине.

Тот помедлил, а затем негромко, с легкой хрипотцой в голосе произнес:

— Я... знаю, что ревновать глупо и недостойно. Но я ничего не могу с собой поделать. Ваше Величество наконец обрели того, кого искренне любите, и мне следовало бы радоваться за вас. Но у меня не получается. И всё потому, что...

Янь Юйсюань затаил дыхание, безмолвно призывая его продолжить.

Цзиньчжи прикрыл глаза и, словно сдаваясь на милость победителя, отбросил всю свою гордость, обнажая самые уязвимые струны души:

—... Потому что я тоже слишком сильно вас люблю. И не хочу ни с кем делить своего императора.

Прежде Линь Цзиньчжи лишь молча доказывал свою преданность делами. Он никогда не признавался в чувствах так пылко и открыто. Видя эту редкую, почти детскую эгоистичность в любви, Янь Юйсюань не ощутил раздражения — напротив, его душу затопила волна сладостного торжества.

— Почему же ты молчал до этого? — с улыбкой спросил он.

— Сердце Вашего Величества принадлежит не мне. К чему были эти признания? Чтобы вызвать у вас еще большее отвращение?

«Так вот оно что!» — Янь Юйсюань невольно расплылся в улыбке. Он ведь знал, что Цзиньчжи без ума от него, разве могло быть иначе? Бережно отерев слезы с лица супруга, он мягко прошептал:

— Глупости. Пусть моя душа и принадлежит Сяо Кэ'эру, ты прошел со мной через огонь и воду. Как я могу прогнать тебя или возненавидеть?

С этими словами император мысленно вернулся к прошлым годам, вспоминая, как преданно заботился о нем Линь Цзиньчжи. Да, парню действительно пришлось несладко. Немного подумав, Янь Юйсюань добавил:

— Выбрось эти мысли из головы. Ты останешься моим супругом. Я никогда не обделю тебя своей заботой.

На самом деле сегодня он шел сюда с намерением уговорить Линь Цзиньчжи уступить титул императрицы Шэнь Кэ. Но сейчас рассудил иначе: Сяо Кэ'эр еще не освоился во дворце, да и его происхождение не вызовет у знати должного почтения. Куда лучше оставить фениксовую печать у Цзиньчжи. Пусть верный супруг пока управляет внутренними покоем, а когда Шэнь Кэ укрепит свои позиции, тогда можно будет передать ему престол императрицы.

Юноша осторожно отстранился и склонил голову в знак благодарности.

— Ступайте к Благородному супругу Шэнь, — тихо промолвил он. — Вы так долго не виделись, у вас наверняка накопилось множество тем для разговоров. К тому же во дворце ему всё в новинку, ваше присутствие успокоит его.

Цзиньчжи едва сдерживал боль, но при этом умудрялся проявлять такую заботу. Это тронуло Янь Юйсюаня до глубины души. На мгновение ему даже захотелось остаться здесь на ночь, но, вспомнив, что его ждет Шэнь Кэ, он совладал с порывом:

— Что ж, тогда я пойду. Навещу тебя через пару дней.

С этими словами правитель покинул дворец.

Выведя перед собой полупрозрачную панель, Тан Цзю удовлетворенно хмыкнул.

[Очки сожаления Янь Юйсюаня увеличились на 15 пунктов]

"Хозяин, вы просто гений! Я в полном восторге! (▽)" — Саньсань, до этого не смевший даже дышать, наконец радостно заверещал в его сознании.

"Да ладно тебе, обычное дело", — лениво отозвался Тан Цзю. Убедившись, что вокруг ни души, он расслабился и довольно заулыбался. "Половиной успеха я обязан сериалам про дворцовые интриги, которые смотрел вместе с мамой, а второй половиной — вашему пространственному магазину".

Ранее Системный помощник 233 упоминал, что у них есть магазин, где различные полезные вещицы можно приобрести за очки удачи. Будучи новичком, Тан Цзю получил щедрый стартовый кредит в пятьсот очков. Из них он выделил пятьдесят на покупку особого эффекта под названием «Эффект плачущей красавицы». Без этой маленькой хитрости он вряд ли смог бы выдавить из себя столь правдоподобные слезы перед императором.

"Хозяин, а как вы додумались до такого подхода к этому мерзавцу?" — полюбопытствовал 233.

"Всё просто: кто громче плачет, тому первому конфету дают", — хмыкнул Тан Цзю.

Линь Цзиньчжи никогда не умел склонять голову. Именно поэтому редкое проявление слабости с его стороны произвело на императора столь сокрушительный эффект. Если бы настоящий Цзиньчжи в свое время проявил хоть немного гибкости и пошел на компромисс, его судьба, возможно, не сложилась бы так трагично.

Но Тан Цзю прекрасно понимал мотивы прежнего владельца тела.

Пусть внешне они казались противоположностями — один взрывной и эмоциональный, другой

холодный и сдержанный, — в глубине души они были сотканы из одного теста. Тан Цзю презирал саму мысль о том, чтобы пресмыкаться перед предателями ради их возвращения. Линь Цзиньчжи чувствовал то же самое.

Подобный мусор просто не стоил их унижений.

"Значит, вы и дальше планируете прикидываться послушной овечкой, чтобы копить его очки сожаления?" — спросил 233.

Кротко сносить обиды, окружать мерзавца заботой и лаской, заставляя его мучиться чувством вины за прошлые грехи — классический, проверенный временем метод выполнения подобных миссий.

Однако Тан Цзю лишь усмехнулся. В его улыбке промелькнуло что-то хищное и лукавое, свойственное молодому волку, который уже наметил горло жертвы.

"С чего бы вдруг? Это было бы слишком легким наказанием для него".

Притворная покорность — не более чем тактический маневр. Учитывая печальный опыт Линь Цзиньчжи, Тан Цзю понимал: чтобы развязать себе руки, нужно сначала усыпить бдительность Янь Юйсюаня маской послушания.

К тому же Тан Цзю давно раскусил натуру императора. Любовь Янь Юйсюаня к Шэнь Кэ гроша ломаного не стоила. Разве может любящий мужчина на словах превозносить одного, а телом беззастенчиво жаждать другого? Для Янь Юйсюаня сладок был лишь запретный плод. Шэнь Кэ оставался недостижимым идеалом, «белым лунным светом», по которому тот тосковал. Но и Линь Цзиньчжи был слишком хорош, чтобы просто так его отпустить. Эгоистичный правитель желал усидеть на двух стульях: обладать новой игрушкой и при этом греться в лучах слепой, преданной любви прежнего супруга.

И рыбку съесть, и в воду не лезть — какая заманчивая перспектива.

Тан Цзю хищно оскалился.

Что ж, пусть попробует. Главное, чтобы он был готов заплатить по счетам, когда придет время.

Спустя несколько дней наступил праздник Фонарей — Юаньсяоцзе.

Едва сумерки окутали столицу, в Башне Чистого Сияния начался торжественный императорский пир. Члены правящей династии, высокопоставленные сановники и обитатели

гарема заняли свои места согласно рангу. На почетном возвышении, плечом к плечу, восседали император и императрица.

Под аккомпанемент труб и барабанов зажглись бесчисленные праздничные фонари, возвещая о начале пира. Изысканные яства и редкие вина потекли рекой. Танцовщицы из ведомства Цзяофан в ярких, развевающихся платьях плавно кружились под нежные звуки флейт и шэнов. Посреди этого великолепия, когда чаши пошли по кругу, Янь Юйсюань вдруг благодушно улыбнулся и произнес:

— Благородный супруг Шэнь, пересядь поближе к нам.

Шэнь Кэ, сидевший во главе придворных наложников, изобразил на лице крайнее смущение и трепет. Встретив пристальный, выжидающий взгляд государя, он со скромной полуулыбкой поднялся и под завистливыми взорами присутствующих проследовал к ложу императора, заняв место по левую руку от него.

Гости праздника не могли не заметить, какой исключительной милостью пользовался новоиспеченный фаворит. Государь лично подкладывал ему лучшие кусочки, подливал вина и то и дело шептал на ухо какие-то нежности, заставляя Шэнь Кэ стыдливо прятать взгляд и тихонько смеяться. Но чем откровеннее становились ласки влюбленных, тем более одинокой и покинутой выглядела фигура императрицы, сидевшей по правую руку от повелителя Поднебесной.

А ведь еще год назад на этом самом месте грелся в лучах императорской любви не кто иной, как Линь Цзиньчжи.

На Тан Цзю со всех сторон устремились взгляды: кто-то смотрел с жалостью, кто-то — с насмешкой и злорадством. Однако юноша упорно игнорировал это молчаливое давление. Он сидел с безупречно прямой спиной, сохраняя на лице выражение холодной, царственной отстраненности. Омываемый серебряным сиянием луны, он казался сошедшим на землю небожителем — неприкосновенным и величественным.

Шэнь Кэ, хоть и происходил из знатного рода, слишком долго скитался на чужбине, растеряв столичный лоск. Его манерам и стати было далеко до врожденного благородства Линь Цзиньчжи. Сравнивая величавого императорского супруга с суетливым фаворитом, многие придворные недоумевали: разница между ними была видна невооруженным глазом. Неужели император настолько пресытился изысканными деликатесами, что решил переключиться на пресную огородную зелень?

Не обращая внимания на перешептывания за спиной, Тан Цзю налил себе еще немного сливового вина. Этот редкий напиток, присланный ко двору в качестве дани, отличался превосходным качеством: его мягкий сладковатый аромат прекрасно сочетался со скрытой крепостью. Тан Цзю оценил его с первого же глотка. Любопытно, но вкусы юноши полностью соответствовали его настоящему имени: он обожал сладости и хороший алкоголь, вот только пить совершенно не умел. Стоило ему заглянуть в бар в своем прежнем мире, как он хмелел

буквально с третьей рюмки, и в девяти случаях из десяти его лучшему другу Се Линю приходилось тащить его домой на закорках.

Вспомнив о старом друге детства, Тан Цзю слегка пригрустил. Кто знает, сколько времени займет выполнение этой миссии? Похоже, своего любимого Босса Краба он увидит еще очень не скоро.

Из задумчивости его вывело странное ощущение: чей-то обжигающий взгляд буквально впился в него. Повинуясь предчувствию, Тан Цзю повернул голову и столкнулся глазами с Янь Юйчэнем.

Должно быть, дворцовый фонарь у ног князя горел слишком ярко, поскольку Тан Цзю отчетливо разглядел выражение его лица. В глубине темных, как ночной океан, глаз мужчины крылось нечто пугающее.

Там читались неприкрытая жажда обладания и хищный интерес.

Тан Цзю выдержал эту немую дуэль лишь несколько секунд. Смутившись, он поспешно отвел взгляд и припал к кубку со сливовым вином. От волнения он сделал слишком большой глоток, закашлялся, и его щеки мгновенно залил густой румянец.

"Что за чертовщина? Неужели этот Янь Юйчэнь действительно положил глаз на Линь Цзиньчжи?!"

Как ни крути, Цзиньчжи — законный супруг действующего монарха! Этот мятежный князь поистине безумен: мало того, что метит на императорский трон, так еще и на императорского мужчину засматривается!

Впрочем, сам Тан Цзю, будучи неисправимым ценителем мужской красоты, никогда не мог устоять перед привлекательной внешностью. Стоило этому порочному красавцу одарить его столь двусмысленным взглядом, как глупое сердце предательски затрепетало в груди.

Он не удержался и снова украдкой взглянул в сторону Янь Юйчэня. Тот уже отвел взор, но уголки его губ изогнулись в едва заметной, понимающей усмешке. Князь неторопливо осушил свой кубок, явно довольный тем, что его безмолвная провокация достигла цели.

На пиру было слишком шумно и людно, к тому же всё внимание императора было приковано к Шэнь Кэ, так что никто не заметил этой безмолвной дуэли взглядов. Когда официальная часть ужина подошла к концу, Янь Юйсюань позволил гостям разойтись для прогулки среди праздничных огней, а сам, взяв Шэнь Кэ за руку, скрылся в неизвестном направлении.

Дворцовые сады утопали в сиянии сотен искусно сделанных бумажных фонарей. Куда ни глянь — повсюду раскинулось бескрайнее огненное море. Тан Цзю, успевший изрядно приложиться к

хмельному напитку, почувствовал, как алкоголь ударил в голову. Шумная толпа лишь усугубляла духоту, поэтому он отослал слуг и свернул на уединенную галерею, надеясь проветриться под порывами прохладного ночного ветра.

Гул голосов постепенно затих вдали, уступая место безмятежному ночному покою. Эта галерея вела к Беседке Отрады, где в летнюю пору обычно любовались цветущими лотосами. Зимой здесь почти никто не бывал, поэтому к празднику Фонарей тут лишь ради приличия повесили пару светильников. Их тусклые огоньки едва рассеивали мрак, оставляя беседку во власти густых ночных теней.

Тан Цзю с детства отличался некоторой трусостью и недолюбливал темноту. Рассудив, что голова уже достаточно прояснилась, он вознамерился повернуть назад. Но не успел сделать и шага, как чья-то крепкая рука мертвой хваткой вцепилась в его запястье. Юношу резко втянули в самую глубь беседки и прижали к холодной каменной стене.

От неожиданности у него перехватило дыхание, а по спине побежали ледяные мурашки. Он уже готов был закричать во все горло, но незнакомец предвидел это и плотно зажал ему рот теплой ладонью.

— Тихо, не бойся. Это я, — раздался в полумраке низкий голос.

От ладони мужчины исходило приятное тепло, смешанное с едва уловимым, сладковатым ароматом сливового вина — того самого, что они оба пили на пиру.

Напряжение спало, и Тан Цзю облегченно выдохнул. Узнав этот голос и разглядев в слабом лунном свете очертания лица собеседника, он удивленно прошептал:

— Князь Дуань?..

Янь Юйчэнь медленно убрал руку и тихо усмехнулся:

— Прошу простить за дерзость, почтенный супруг брата.

"Знаешь ведь, что дерзишь, какого черта тогда каждый раз так делаешь?!" — мысленно возмутился Тан Цзю.

Впрочем, догадаться о цели визита князя было нетрудно, поэтому он спросил напрямую:

— Вы получили мое послание?

Пару дней назад Тан Цзю тайно передал через Сяо Шуныцзы короткую записку для Янь Юйчэня.

— «Сотрудничество», — процитировал Янь Юйчэнь. — Почтенный супруг написал лишь эти два слова. Что именно вы имели в виду?

— Мне нужна ваша помощь, — заговорил Тан Цзю, понизив голос. — В тот день вы были правы. Чувства Его Величества... угасли. Я больше не желаю оставаться императрицей и чахнуть в этих стенах. Но император ни за что не отпустит меня добровольно. Поэтому мне нужен сильный союзник.

Янь Юйчэнь слушал его, не сводя с него пристального взгляда.

— Разумеется, взамен я окажу услугу вам, — добавил Тан Цзю, забрасывая наживку. — То, к чему вы так стремитесь... я помогу вам это заполнить.

Во мраке показалось, что губы князя дрогнули в легкой усмешке:

— И откуда же почтенному супругу известно, чего я хочу?

"Что за глупый вопрос? Словно все мятежники испокон веков мечтают о чем-то, кроме престола! Роль удельного князя в этой пьесе буквально создана для того, чтобы устроить переворот!"

Словно прочитав его мысли по лицу, Янь Юйчэнь тихо рассмеялся:

— Вы ошибаетесь. Императорский трон меня мало интересует...

Он внезапно подался вперед, упираясь руками в стену по обе стороны от Тан Цзю и полностью лишая его возможности сбежать. Наклонившись к самому уху юноши, князь обжигающе прошептал:

—... Куда больше я желаю тебя.

<http://bllate.org/book/20582/2106577>